

В прошлом номере «За науку» было опубликовано Постановление СМ РСФСР по Физтеху от 22 мая сего года. Комментируя его, ректор института Н.В.Карлов сказал: «Теперь задача, опираясь на это идеологически важное, но в значительной мере декларативное Постановление и на Указ Президента добиваться большего и конкретного.»

В августе увидело свет еще одно Постановление (во исполнение Постановления СМ РСФСР), опираясь на которое, мы призваны добиться действительно большего и конкретного. Это Постановление №93 Государственного комитета РСФСР по делам науки и высшей школы. В нем сказано:

1. Научно-методическому центру по подготовке, переподготовке и повышению квалификации специалистов (т. Татуру) и Координационно-аналитическому отделу развития системы образования (т. Новикову) совместно с ректоратом Московского физико-технического института внести предложения в министерство печати и массовой информации РСФСР до 15.09.91 и решить вопрос об организации издательства при Московском физико-техническом институте в 1991-1992 годах.

2. Планово-бюджетному отделу (т. Балашову):

2.1. Подготовить предложения для Министерства финансов РСФСР о выделении с 1992 года дополнительных бюджетных ассигнований.

2.2. Выделять ежегодно в 1992-1995 годах физико-техническому институту бюджетные ассигнования на приобретение оборудования и инвентаря в сумме 4,8 млн.рублей.

3. Отделу материально-технической базы, социального развития и охраны труда (т. Лохматову):

ЗА НАУКУ

ЕЖЕНЕДЕЛЬНАЯ ГАЗЕТА
Московского физико-технического института

Выходит
с 1 сентября 1958 г.

Пятница, 6 сентября 1991 г.

№ 26 (1164)

Цена 5 коп.

3.1. Ежегодно выделять необходимые средства на капитальный ремонт по заявке института.

3.2. Рассмотреть разработанный вузом план перспективного развития института и предусматривать в ежегодных планах средства на проектирование и строительство вузовских объектов.

4. Отделу внешнеэкономической деятельности и валютно-финансовых операций (т. Десятьеву) рассмотреть заявку Московского физико-технического института о выделении средств в свободно конвертируемой валюте на приобретение оборудования и научных приборов и представить предложения в Республиканскую валютную комиссию при Председателе Совета Министров РСФСР.

5. Начальнику Отдела организации международных обменов, координатору международных отделов т. Братишко Б.Д.:

5.1. Ежегодно выделять МФТИ для стажировки в ведущих зарубежных вузах квоты для студентов и аспирантов, а также для преподавателей и научных сотрудников.

5.2. Предусматривать в планах международных научно-технических связей приглашение зарубежных ученых для проведения занятий в институте.

6. Закрепить специальность «Прикладная математика и физика» только за Московским физико-техническим институтом.

7. Организовать в Московском физико-техническом институте «Музей истории Физтеха».

8. Ректору Московского физико-технического института т. Карлову Н.В. продолжить работу по совершенствованию учебно-воспитательного процесса и комплекции вуза профессорско-преподавательскими кадрами высшей квалификации.

9. Внести необходимые изменения в Устав Московского физико-технического института и представить его на регистрацию.

10. Контроль за исполнением настоящего постановления возложить на первого заместителя председателя т. Кинелева В.Г.

Председатель Н.Г.МАЛЫШЕВ

От редакции. Обратите внимание на пункт 1. Речь идет о 15 сентября.

■ Не начав учиться, первокурсники выехали на картошку. Нынче колхоз близко — в Дмитровском районе.

■ СТЭМ ФОПФ начинает гастрольные поездки. Первая из них — в колхоз к первокурсникам.

■ Продают нынче все. Водку, дискеты, штаны, свитера и даже тетради с лабами по физике за весь год.

■ В «тройке» по-прежнему ремонтируют душ. И в «семерке»... Когда же это кончится?

■ А на третьем этаже «двойки», простите, работают (да и то кое-как) только две туалетные кабинки.

■ Столовая Физтеха начала работу большим разнообразием и прелестным качеством блюд. Однако это продолжалось недолго.

■ 31 августа состоялось торжественное открытие Физтех-лица с вручением

каждому первокласснику торта с надписью «Лицей».

■ 3 сентября состоялась встреча студентов 2-3 курсов с кафедрой «История культуры». На встрече выступил зав. кафедрой А.Л.Доброхотов. Он познакомил слушателей с историей возникновения замысла и концепцией преподавания гуманитарных наук на Физтехе. В частности, он сказал:

«История мировой культуры» — комплекс гуманитарных дисциплин, призванных заполнить тот вакуум, который оставила после себя разложившаяся идеология. Наша кафедра — одна из первых в стране. На Физтехе начинать гуманитарный цикл было легче, чем в других технических вузах: высокий интеллектуальный потенциал аудитории, поддержка ректората.

Мы не читаем единого курса. Существует набор спецкурсов. Наша задача состоит в том, чтобы представить хотя бы часть спектра направлений культуры. Преподаватель выступает при этом в роли экскурсовода, стелкера. Мы хотим показать, что такое мир гуманитарной духовности.

Кроме обычных форм обучения — семинаров, лекций — предполагается ряд экскурсий в музей им. А.С.Пушкина (одна из групп), планируются

вечерние встречи — в ближайшее время с экономистами, с редакцией «Независимой газеты».

Потом выступили преподаватели отдельных курсов кафедры. Были сделаны краткие анонсы. Студентам 2 и 3 курсов дано время для выбора (к 15 октября они должны четко определиться). Нам кажется, что целесообразно через «За науку» огласить «весь список», дабы помочь разобраться народу в той информации, которую на нас собираются обрушить.

■ 1 сентября отмечался День города. Давали кофе, а поздно вечером был грандиозный (по меркам Долгопрудного) салют.

■ 4 сентября все замдеканы выехали на картошку. Но не работать, конечно, а выяснить, как там трудятся первокурсники.

■ 29 августа в районе «семерки» пропал черный котенок. Обаятельное умное существо 2,5 месяцев отроду. Имеет чуть рыжеватый оттенок и беленький «галстучек». Огромная просьба к нашедшему: верните! Хозяева будут вам очень благодарны и в будущем обязательно поделятся котятками (если вы того пожелаете). Наш адрес — 7-224.

По «Неделе» дежурил
А.АЛЕКСЕЕВ

ACCELERANDO (Вен. Ерофеев — 69 год)

«Открывая 3-й Пленум, я сказал: «Сенаторы! Никто в мире, я вижу, не хочет с нами заводить ни дружбы, ни ссоры. Все отвернулись от нас и затаили дыхание. А поскольку каратели из Петушков подойдут сюда завтра к вечеру, а «Российская» у тети Шуры кончится завтра утром, — я беру в свои руки всю полноту власти; то есть, кто дурак и не понимает, тому я объясняю: я ввожу комендантский час. Мало того — полномочия президента я объявляю чрезвычайными и заодно становлюсь президентом».

...Через 2 часа премьер Боря испустил дух на руках у министра обороны. К вечеру того же дня все телетайпы мира приняли сообщение: «Смерть наступила вследствие естественных причин.» Чья смерть, сказано не было, но мир догадывался.

4-й Пленум был траурным. Я выступил и сказал: «Делегаты! Я присоединился к вам просто с перепою и вопреки всякой очевидности. Я вам говорил, что надо революционизировать сердце, что надо возвышать души до усвоения вечных нравственных категорий, — а все остальное, что вы тут затеяли, все это суета и томление духа, бесполезней и мудянка...»

PRESTO (20 августа)

Сколько нас? сколько нас? сколько? Пятьдесят тысяч, сто, пятьсот? Мокнувших под нервным дождем и греющихся у мелких костров, сгрудившихся вокруг счастливого обладателя транзистора и устало хлопотающих мокрыми кроссовками по революционной жиже, собравшихся здесь, чтобы защитить свою свободу, такую долгожданную, такую необходимую и вдруг поникшую под мутным взглядом телевизионных иуд, под их словами, похожими на бревна, под их фразами, похожими на лесоповал.

Кто мы? кто мы? кто? Люди, старые и не очень, хорошие, разные, научившиеся вдруг смотреть сквозь подтекст и интонации и пришедшие вдруг на эту площадь, и ставшие собой. До черта, до черта, до черта молодежи, и вот тот 14-летний пацан, попросивший у меня двушку, чтоб гордо сказать домашним: «Я здесь на ночь останусь. Не волнуйся, ма, мы Родину защищаем».

И это сладкое чувство единства, эта уверенность в победе, несмотря ни на что, захлестывает нас, и что нам теперь до вчерашних дум, волнений и тревог, до марионеточных королей и их засаленных шестерок — все в наших руках: и синицы, и журавли, и небо, — и ставший уже родным дирижабль приветствует нас сверху трехцветным флагом.

ALLEGRO (21 августа)

Радио Белого Дома:

«Внимание. Экстренное сообщение. Наблюдателями Белого Дома замечена группа молодых коротко подстриженных людей со спортивными сумками. Пятнадцать минут назад они влились в ряды защитников Белого Дома. Будьте бдительны. Среди вас находятся переодетые агенты КГБ».

— Слушай, — говорит мне мой сосед по оцеплению, — давай друг с другом связь поддерживать. Нужно будет — еще раз соберемся все вместе.

«И я упаду, побежденный»

Радио Белого Дома. Хазанов дает интервью Любимову: «Че ты мне сразу 2 вопроса задаешь? Думаешь, я лучше Янаева? Видел, он на пресс-конференции сразу на второй отвечал? Это потому что первый забывал».

Мы смеемся. Напряжение постепенно спадает. Но никто не расходится, а женщины все несут, несут, несут кошельки, пакеты, рюкзаки: «Куда здесь еду сдавать, ребята?»

Радио Белого Дома:

«Внимание. Если диверсанты, находящиеся в Белом доме, заблокируют какую-либо из комнат, то заблокированные будут выбивать изнутри стекла. Это должно послужить вам сигналом».

— Слушай, — говорит мне сосед, кивая на автоматчика в милицмейской форме, охраняющего вместе с нами 14 подъезд, — первый раз в жизни смотрю на мента без раздражения.

Я улыбаюсь. К автобусу-столовой подъезжает черная «Волга». На ее заднем сидении высится гора гречневой каши.

MOSSO (19-21 августа)

Я не буду называть имен. Каждый, кто стоял в эти три ночи около Белого Дома, пришел туда не из желания прославиться, а потому что не мог не прийти. И делить теперь этих людей на героев и толпу в высшей степени безнравственно. Я просто горд, что среди защитников Белого Дома были и физтехи. В первую же ночь кто-то из них написал аршинными буквами на стене Кремля «Диктатуре нет». Они вместе со всеми стояли в оцеплении, вместе со всеми строили баррикады, они расклеивали в утреннем метро

листовки и ксерокопии запрещенных газет. Они прожили эти дни — смятые, жаркие и колючие — так, как прожили, мало задумываясь об их историческом значении, подобно героям книг для самых маленьких — дедушкам, бравшим Зимний.

Теперь все позади. Пускай те, кто там не был, громко и пестро рассуждают об идиотизме заговорщиков и дают полезные советы на будущее, пускай они крушат памятники и жгут красные флаги, пускай они лезут на пьедестал и давятся кусками чужого пирога. Они тоже живут, как живут. Не надо им мешать.

Ведь по большому счету мы сделали свое дело и, значит, можем уйти в сторону.

VIVO (21 августа)

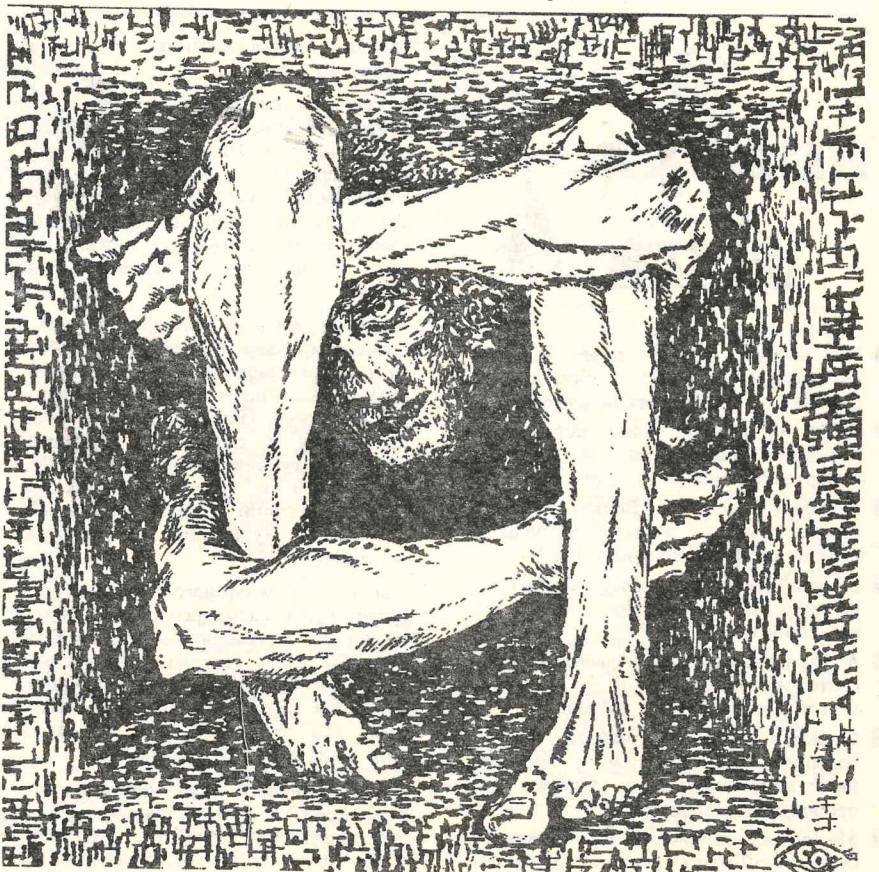
С балкона Белого дома, задрапированного огромным трехцветным флагом, выступали депутаты. Было уже ясно, что путч провалился, было уже почти не страшно.

Депутаты просили нас остаться на всякий случай до утра. Депутаты уже узнали вкус крови:

«Я призываю разогнать КПСС, как партию фашистского типа, и устроить для нее нюрнбергский процесс».

«Я предлагаю судить путчистов открытым народным судом в России. Хотя из моральных и этических соображений Пуго можно отдать в Прибалтику». (Голос из толпы: «А Язова — студентам»).

«Я считаю необходимым выкопать прах преступников, покоящихся около Кремлевской стены и похоронить там наших героев».

своею победой...»

«Я предлагаю перед расстрелом провезти всех членов хунты в железных клетках по улицам Москвы. Клетки нужны для того, чтобы избежать оскорблений и физической расправы.»

Мимо пробежала с кипой свежих листовок знакомая девчонка, угощавшая меня пару часов назад кофе. Я попросил одну листовку. «Своим несусь», — не узнала она меня. «Я и есть свой», — хотел сказать я, но не успел. Начался следующий день.

SOSTENUTO (25 — 27 августа)

Маленькую девочку спросили: «Что такое диктатура?» Она ответила: «Это когда по всем программам одно и то же».

Двойного (ЦТ и РТВ) Ельцина я выдержал, ежедневного Попова с трудом, но Марк Захаров, то сжигающий свой партбилет, то на следующий день обещающий это сделать, меня добил. Я перестал что-либо понимать.

Бывшие коммунисты, став демократами, остались все теми же домотканными большевиками. Они с радостью начали скандировать лозунги, что-то запрещать, что-то разгонять, утверждать планы перехода к капитализму, вешать друг другу медали, копаться в белье, судить всех и каждого и закончили на высокой ноте, объявив телефоны, по которым надо вкидывать скрывающихся от слепой Фемиды врагов. Я хотел позвонить и пожаловаться, что из-за ГКЧП в общаге уже месяц нет горячей воды, но передумал.

Я искренне радовался выстраданной независимости латышей, литовцев и эстонцев, возвращению «Взгляда», отставке беспомощных министров, но я не мог и не хотел видеть в мясистых ростках новой жизни те семена, которые мы бросили в землю несколько дней назад, а не верил, что ребята, без оружия остановившие танки, сегодня бьют никчемные вывески и лежащих товарищей.

MODERATO (28 августа)

Легче всего быть флюгером. Легко утверждать, отрицая предыдущее. Легко брать нахрапом, а не убеждением. Это понятно.

Но я не о себе. Нас еще потрет и поломают, побросают и покорежит хмурое время полных штанов счастья, и кто-то выдержит, а кто-то нет, и там будет видно.

Но живы пока еще, слава Богу, другие люди. Пускай они никогда не простят сегодняшних лидеров и не примут сегодняшних ценностей, они воспитаны в других условиях и замешаны на другом тесте, они — наши дедушки, наши бабушки, наши старики. Сейчас их называют то пособниками, то жертвами Системы, не желая понимать, что они просто были счастливы в другом измерении, и наше измерение не для них.

Их тихие голоса вряд ли уже пробьются в эфир. Верующим останется молиться в государственных церквях, а атеистам ностальгически смотреть редкие старые фильмы и листать потрепанные альбомы с выцветшими фотографиями.

И наверное, сейчас мы должны быть еще более внимательны к

ним, не оскорблять их святых чувств очередными скоростными сенсациями, меняющими знак, но не меняющими смысл, мы должны просто любить их, потому что без них не было бы нас.

ANDANTE (30 августа, глас народа)

Домой я летел еще до переворота — партия была, хоть какой-то порядок был, а партию убрали, и советской власти не стало никакой. Вылетели на час позже, потом еду не давали, потом приходит стюардесса с мордой, как у БТРа, приносит помидор, кусочек курицы и пластмассовый ножик из детского набора. Потом приносят кофе и пластмассовую вилку, чтоб сахар размешивать. Ну чё тут сказать. Мне лишь бы власть была, а там хоть коммунистическая, хоть демократическая, хоть онанистическая. А то прилетели в Москву — так вещи только через два часа разгрузили.

У нас тоже решили всех разогнать — пришли эти депутаты в МВД, там офицер сидит, он их просто послал, тогда они пошли в КГБ, а там прапорщик сидит, но с автоматом, и спрашивает: «Носилки принесли? Зачем, зачем — трупы оттаскивать.»

И с забастовкой ихней тоже. Анекдот есть такой: «Что такое хунта не знаю, но пока Луиса с Карваланом не выпустят, на работу не выйду». Также и демократы эти. Назови дерьмо мармеладом, оно слаще не станет.

ADAGIO (2 сентября)

Мне кажется, что все наши отцы-победители не обращают внимания на один достаточно важный момент: да, мы достигли единства, но единства против, а не единства за. Из того, что мы смогли сообща отвергнуть что-то, вовсе не следует наша всеобщая тяга к позитивным свершениям. Никто не сможет по мановению волшебной палочки превращать траур в карнавал, а карнавал в стройку.

Увы, мой дорогой сосед по оцеплению, мы никогда уже не сможем собраться все вместе. Скоро, совсем скоро жизнь раскидает нас по разным ступеням общественной лестницы. И к сожалению, не исключена возможность, что когда-нибудь в новом водовороте политического сумасшествия мы столкнемся лицом к штыку с решительными мальчишками цвета хаки, недавно угощавшими нас «трофейными» сигаретами около Белого дома и вдруг оказавшимися по другую сторону баррикад.

MORENDO

— Все это бесовство, — устало сказал некто, озирая мироздание, — все эти дамы с рожками под модными шляпками, все эти кавалеры, обувшие копыта в сапоги, все эти любители крестных знамен и поклонники числа «тринадцать», но может быть, — он прервался и задумчиво повертел хвостом, — может быть, так и нужно?

И. ПЕТРОВ

Художник С. ОРЛОВ

ТАК И СОСУЩЕСТВУЕМ

3 сентября дежурный по институту тов. Егоров закрыл институт в 22.00. На вопрос, на каком основании он это делает, он сослался на недавний приказ ректора о запрещении работы в ночное время. Впрочем, показать, где в этом приказе написано, что ночное время начинается с 22.00, он не смог. Не было там такого пункта. Это и неудивительно, ведь согласно другому документу (которого у тов. Егорова почему-то не было), например, занятия в читальном зале института разрешаются до 23 часов.

Все возвращается на круги своя. Помнится, в свое время существовавший тогда в полном здравии комсомол долго добивался (и добился) принятия нормального, удобного для работы и учебы, положения после очередного «охранного» звика в институте, когда вахты были вынесены аж к ограде, когда за перелезание через нее или попытку пройти без пропуска исключали из института, когда внутри МФТИ не смог пройти даже один из «опцов Физтеха», когда...

Что ж, все сначала. Только доказывать теперь нечего и некому. Да и невозможно. Вы когда-нибудь пробовали общаться с охраной? И не пробуйте, потому что все равно ничего не сможете доказать. У нас ведь не охрана для института, а институт для охраны.

А чего стоят периодические оскорбления одной из вахтерш (к счастью, только одной за всю историю существования редакции) в аудиторном корпусе сотрудников «За науку», которые, как ни странно, появляются чаще всего тогда, когда меньше всего хотелось — вечером, по выходным... Что делать? Такова специфика работы газеты. Но на специфику — наплевать. Ведь это ж неудобно! Нельзя запретить дверь и лечь спать. Нельзя спокойно отдохнуть.

Не надо меня обвинять в том, что я против порядка. Как раз наоборот, порядок — это замечательно. Но почему у нас понятие «порядок» граничит с шизофренией? Почему все делается так, что «порядок» в понятии охраны удобен только ей и крайне неудобен тем, кто учится и работает? Почему в конце концов каждый дежурный по институту волен истолковывать существующие положения об охране так, как ему вздумается?

Хотелось бы еще сказать вот о чем. Охрана — только одно из проявлений. В институте существует много других «прикладных» служб: хозяйственные, бухгалтерия и пр. и пр. Господи, кто многих из этих людей учил общаться? Почему любой из клерков чувствует себя важнее профессора? И мы все терпим это, разводя руками и говоря, что «это не наша сфера».

Так и сосуществуем. Чудовищное сочетание интеллекта с грубостью и невежеством. Поощряйте это сочетание, издавайте очередные приказы, создавайте очередные службы, выделяйте на это очередные (весьма немалые!) деньги, и Физтех добьется больших успехов. Только я все чаще думаю, что что-то здесь не так. Или это уже я схожу с ума?

А. РОЗАНОВ

У каждого нормального первокура, поступившего на Физтех, сразу же возникает желание поработать в «За науку». Не стали исключением и мы, решив расспросить членов редакции о том времени, когда они сами учились на первом курсе, тем более, что это интервью нам засчитали за два дня отработки.

К сожалению, по случаю каникул вся редакция была на отдыхе кроме одного коллеги, который пожелал сохранить инкогнито:

— О первый курс! Как давно это было. Тогда еще не было кафедры истории культуры, но уже была столовая, тогда пруды казались длинными, дачи — новыми, и Москва заканчивалась на станции Марк, тогда светило солнце, в «яме» давали токайское, птички божии не знали ни заботы, ни труда... Тогда... Ах, да что вспоминать... Хотите чаю? — неожиданно спросил он.

Мы промывали что-то невнятное, он залез под кровать, на которой сидел, долго там копался, наконец вытащил синюю пластмассовую канистру, посмотрел в нее, брезгливо понюхал и развел руками:

— Новый надо заваривать, — после чего бросил канистру обратно под кровать.

— Вот что я вам скажу. Коллектив тогда был другой:

БЫЛИ ЖЕ ВРЕМЕНА! Эксклюзивное интервью

дружный, собранный. Старшие курсы шефствовали над младшими. Проявлялись взаимовыручка, высокие моральные качества, всячески искоренялись лень, халатность. Ежегодно проводился ленинский зачет, где каждый отчитывался о проделанной общественной работе.

— А культурный фон?

— Культурный фон тогда был другой. В каждом корпусе была дискотека, на которую первокурам попасть было не так просто. Девушки из МГУ, скажем, плехановского, МГИМО считали подарком судьбы приглашение на эти дискотеки. В КЗ показывались интереснейшие фильмы, приезжали артисты, проходил ВДФ, недели факультетов...

— А что вы скажете о науке?

— Наука тогда была другой. Ведь тогда еще не был открыт электрон, или я что-то путаю.

— А девушки у вас на курсе были?

— Девушки тогда были другими. Они жили в «четверке». Я туда лазил ночью через окно второго этажа. Один раз. Пил чай. Сейчас хожу мимо этого окна, думаю: были же времена...

— А в колхоз вы ездили?

— Колхоз тогда был другой. Или тот же. Короче, «Большевик». Мы там работали, как папа Карло и Джузеппе вместе взятые. Тогда тем, кто сдал экзамены с «тройками», стипендию не давали. Так вот мне дали за ударную работу в колхозе. Потом субботники всякие были. Например, мы футбольное поле на стадионе выравнивали. Там до сих пор эти ямы остались.

— Свободное время было?

— «Свободная Европа» была. А еще физкультура 4 раза в неделю с 7.30 до 8.15. Приятно было порой вдохнуть свежий морозный воздух и снова лечь спать.

— Самое романтическое ваше приключение на первом курсе?

— Поехали мы как-то в Федоскино — тут недалеко — там училище народного промысла. Чуть нам морду не набили, но мы двоих народничи оттуда привезли на ночную дискотеку. Вдруг часа в два ночи одна спать захотела. Ну я своих всех из комнаты выгнал, уложил ее, укрыв и сел рядом на стуле, чтоб сон ее охранять. Так до утра и сидел. В шесть она

проснулась, хмурая почему-то, собралась быстро и уехала, даже не поблагодарила. Мужики потом неделю надо мной смеялись, а чего?

Потом была такая история. Проректор по режиму ввел строгий пропускной контроль, оставил только два входа в институт, да еще пообещал обнести весь студгородок высокой стеной. Почти каждый факультет сделал специальный выпуск стенгазеты с комментариями и протестами, а потом ребята, по-моему, «кванты», сняли с петель закрытые ворота около нового корпуса и утопили их в Долгих прудах. И дело это замяли.

— Ну и напоследок какие-нибудь мелкие любопытные штрихи?

— Что еще... Ректором тогда был Белоцерковский, хотя он и не был народным депутатом, основной денежной единицей являлся торт «Прага», за появление на дискотеке в нетрезвом виде могли выгнать из института, денег было мало, дел — много, и жили счастливо... Давно это было. Пять лет назад. Хотите чаю?

Мы почему-то дружно отказались, вышли за дверь и всплакнули друг другу в предусмотрительно надетые жилетки.

Интервью взяли
И.ПОЛОЖИЛИ,
Г.ДЕ ВЗЯЛИ

ЗАЧЕПЯТКИ

Замбыкана
Раскладушка
Пылесвизор
Общественные науки
Орфографический главарь

Колхоз

Рис. С.ОРЛОВА

PEXAM4

**SWING STREET
STUDIO**

Мы продолжаем свою работу. Заказы принимаются в 6-306а по субботам с 18 до 21 часа. Каталог, как всегда, в холле 6 корпуса. За лето мы изрядно пополнили коллекцию, так что, думаем, вам будет интересно ознакомиться с нашим списком. Если будут вопросы, приходите, поможем выбрать.

Решив бороться непонятно с чем непонятно за что, надеемся в учебном году постоянно публиковать в «За науку» рок-н-рольные материалы: «Досье» (два слова о ком-нибудь из великих, но относительно малоизвестных),

«Суперальбом» (то же самое, но о конкретной пластинке), а также ежемесячно — список наиболее популярных среди заказчиков «Swing Street» альбомов.

В рамках той же борьбы планируем также устраивать прослушивание суперальбомов (см. выше) в ФОПФ-клубе и продолжить показ рок-серии видеофильмов («Рок-серия» уже имела место год назад), о чем будет особая реклама.

Еще раз: суббота с 18 до 21 часа, 6 корпус, к. 306а.

Каталог — в холле 6 корпуса.

Адрес редакции: Московская обл., г. Долгопрудный, Московский физико-технический институт, 206 АК, тел. 408-51-22, 4-29.

Отпечатано АП «Шанс»

Тираж 2800 Объем 0,5 п.л. Заказ 2667

Редактор Н. СИМОНОВА

Оригинал-макет подготовлен МП «Макет» и МГП «Новинтел»